

УДК 34
ББК 67.1

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА ЕВРАЗИЙЦЕВ В ОЦЕНКЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1920–30-Е ГГ.

Ю. А. Зеленин, О. Г. Моисеева, В. В. Русанов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В работе исследуется оценка политико-правовой доктрины классического евразийства в эмигрантской литературе 1920–30-е гг. Авторы приходят к выводу, что публикациях П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, М. В. Вишняка, С. И. Гессена, И. А. Ильина, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, Ф. А. Степуна, Г. В. Флоровского и др. намерение идентифицировать мировоззрение евразийцев сочеталось с преимущественно негативной оценкой их политических и юридических взглядов. Таким образом, евразийство, прежде чем стать уважаемым и признанным идейным течением, было за редким исключением резко осуждено современниками, представлявшими разные идеологические течения от правого до левого спектра. Евразийство критиковали за его вторичность, обвиняли в неполноценном консерватизме, утопическом этатизме и даже фашизме.

Ключевые слова: евразийство, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, М. В. Вишняк, С. И. Гессен, И. А. Ильин, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, Ф. А. Степун, Г. В. Флоровский.

THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF THE EURASIANS IN THE ASSESSMENT OF EMIGRANT LITERATURE IN THE 1920S AND 30S

Yu. A. Zelenin, O. G. Moiseeva, V. V. Rusanov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines the assessment of the political and legal doctrine of classical Eurasianism in the emigrant literature of the 1920s and 30s. The authors conclude that Eurasianism, before becoming a respected and recognized ideological trend, was, with rare exceptions, sharply condemned by contemporaries representing different ideological trends from the right to the left spectrum. Eurasianism has been criticized for being secondary, accused of inferior conservatism, utopian statism, and even fascism.

Keywords: Eurasianism, P. B. Struve, N. A. Berdyaev, M. V. Vishnyak, S. I. Gessen, I. A. Ilyin, A. A. Kiesewetter, P. N. Milyukov, F. A. Stepun, G. V. Florovsky.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)1.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.4)

Евразийство, сразу заявившее себя как влиятельное идейное течение, вызвало живой, зачастую резко критический, интерес среди ученых и публицистов русской эмиграции в 20–30-е гг. XX в. В публикациях П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, М. В. Вишняка, С. И. Гессена, И. А. Ильина, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, Ф. А. Степуна, Г. В. Флоровского и др. намерение идентифицировать мировоззрение евразийцев сочеталась с преимущественно негативной оценкой их политических и юридических взглядов. Положительные оценки, наоборот, были довольно редки [1, 2, 3]. В данном исследовании мы не предпринимаем попытку объяснить причины такой резкой критики евразийства, как справа, так и слева, и будем придерживаться презумпции идейных разногласий, хотя некоторые исследователи усматривают и личные мотивы отдельных публицистов и мыслителей [4, 5].

Одним из самых первых критиков евразийства был видный ученый, публицист, либеральный консерватор П. Б. Струве. Он называл евразийство смесью «из запахов, идущих от гниения револю-

ции, как жизненного факта и как идеологии, и запахов, идущих от подлинной и свежей любви к нации и от духовного слияния с Церковью» [6, с. 376]. Однако он отмечал, что эти «элементы здорового консерватизма в произведениях евразийцев пока выражены довольно слабо» и в них довольно ярко проявляются «апологетические тенденции по отношению к настоящему, идеализация его самых злых сторон» [7, с. 328].

В своей статье «Россия» (1922) П. Б. Струве относил евразийство, наряду с национал-большевизмом, к «гибридным формам идеологий, порожденным революцией». Оно, по его мнению, «внешним образом продолжает традицию славянофильства». Но если, по мнению П. Б. Струве, для славянофильства был характерен определенный универсализм, то евразийство представляет из себя партикулярную доктрину, которая строится на противопоставлении России романо-германской цивилизации и «сводится к утверждению культурно-расовых особенностей народов евразийского мира». Более того, он утверждает, что «поскольку евразийство подчеркивает и ставит во главу угла всего исторического понимания судеб России родственность русской культуры с азиатским Востоком, постольку оно объективно странным образом воспроизводит доктрину одного славянского ненавистника России, некоего поляка Духинского, который более чем 50 лет тому назад проповедовал, что «московиты» суть восточная, туранская раса, лишь поверхностно соприкоснувшаяся с западной, славянской культурой, усвоившая себе скандинавское название «русских» и славянский язык» [8, с. 335–336].

В статье «Евразийцы» религиозный философ Н. А. Бердяев отмечает, что с идейной точки зрения евразийство не является оригинальным и воспроизводит идеи классического славянофильства и в особенности Н. Я. Данилевского. Это, по его мнению, скорее эмоциональное, чем интеллектуальное течение: «эмоциональность его является реакцией творческих религиозных и национальных инстинктов на происшедшую катастрофу» и «такого рода душевная формация может обернуться фашизмом» [9, с. 134]. К положительным чертам евразийства Н. А. Бердяев относит «пореволюционную бодрость», отсутствие «вульгарного реставраторства», «примат культуры над политикой», а к отрицательным — попытку возврата к языческому партикуляризму, замкнутость, «номиналистическое отрицание реальности человечества», «татарско-азиатскую статичность», «отрицание духовного аристократизма» и др. [9, с. 134–139].

В следующей статье он также оценивает позитивно их политический реализм и защищает их от обвинений в сменовеховстве и приспособлении к большевистской власти [10, с. 141]. Однако исходя из их позиционирования себя как ортодоксально-православного течения, автор статьи относит евразийство к «оптимистически-монистической идеологии», наподобие марксизма, из-за примата необходимости над свободой, коллектива над личностью и отсутствия нравственной оценки политики.

Опасной стороной евразийства Н. А. Бердяев считает утопический этатизм. Он приходит к парадоксальному выводу, что своим этатизмом и рациональным конструктивизмом евразийцы порывают с традициями русской национально-религиозной мысли (славянофилами и Достоевским) и «вступают на путь европеизации и американизации России» [10, с. 143–144]. Он отмечает, что на данном этапе евразийцы являются в большей степени «выразителями империалистической идеи, татарско-чингисханской и немецко-петровской, чем русских духовных упований», но оно может сыграть положительную политическую роль, если освободится «от соблазнов утопии, от эксцессов этатизма, от вождельней диктатуры партии» [10, с. 141–144].

В более поздних трудах его позиция по отношению к евразийству принципиально не изменилась. Так, в работе «Самопознание» (1940), он отмечает, что с евразийцами у него «были личные отношения», они к нему «относились хорошо», искали у него «поддержку от нападений старой эмиграции», а он в свою очередь, сочувствовал пореволюционной молодежи, в том числе и евразийцам, которые «примирились с тем, что произошел социальный переворот и хотели строить новую Россию на новой социальной почве». К характерным чертам евразийства (которые сам Н. А. Бердяев называет «чуждыми» и «враждебными» для его мировоззрения) он относит «восточничество» (враждебность западной культуре), «бытовое исповедничество» (обрядовое восприятие православия) и этатизм [11, с. 259]. Также симптоматично, что в своей итоговой работе о русской общественной мысли «Русская идея» (1946) Н. А. Бердяев ни разу не упоминает евразийства.

Не менее резкой критике подверг евразийство известный либеральный историк и публицист Павел Николаевич Милюков. Еще в 1922 г. он отметил: «...с людьми, которые борются против старой интеллигентской идеологии, у нас спор очень давний и долгий. В двух словах мы согласны с их возражениями против старого интеллигентского максимализма. Но мы возражаем против нового — тоже максимализма и тоже интеллигентского... Скажу только, что можно быть национальным без мистики, без старого «вехизма» и без нового «евразийства» [12, с. 32].

Более основательную попытку критики евразийской идеологии П. Н. Милюков предпринимает в своей статье «Третий максимализм». Он подчеркивает, что сам этот термин является одним из самоназваний евразийцев, предложенное П. П. Сувчинским. Последний назвал евразийство как третью систему идей, пришедшую на смену социал-коммунистическому и реставрационному максимализмам. П. Н. Милюков отрицает новизну и научность евразийской идеологии: «Не ново, потому что оно, в сущности, построено в том же стиле и даже с теми же деталями, как и здание, в свое время противопологавшееся прежнему максимализму. Неверно, потому что построенное с определенными задними мыслями, оно искусственно подгоняет к ним те верные «научные истины», которые кладет в свою основу» [13, с. 74].

Далее П. Н. Милюков критикует евразийцев за их метафизический реализм, приведший их к географическому и культурно-историческому абсолютизму, включая отрицание всемирно-исторического прогресса: «С «расчленением по отраслям» культуры и с забвением ступеней развития их история безнадежно рассыпается в куски, ничем не связанные. Какой громадный регресс даже сравнительно с другим их учителем — Константином Леонтьевым, у которого представление о неизбежной, роковой смене стадий развития каждого народа составляло основной стержень и нерв его учения» [13, с. 75–76].

Наиболее резок по отношению к евразийцам П. Н. Милюков в своей рецензии «Русский расизм» (1926) на их программный документ «Евразийство — опыт систематического изложения». Истоки идеологии евразийства он видит не в старом славянофильстве, у которых в доктрине «было слишком много гуманного и общечеловеческого», а в учении их эпигонов К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского об «исторических типах и о гибели цивилизаций не восточным, а западным путем». За попытку реставрации этого варианта русского славянофильства он называет их «настоящими русскими расистами» [14, с. 104]. Также он критикует их за определенную апологию большевистской революции: «в советской победе они торжествуют гибель западного идеала и освобождение масс для построения идеала евразийского» [14, с. 105].

Неонародник, демократический социалист Марк Вениаминович Вишняк критиковал евразийство за его антидемократизм [15, с. 322, 334]. Именно в отрицании демократии он усматривал «духовное родство и внутреннюю политическую близость» большевизма и евразийства: «Не столь существенно различие в благих целях у коммунистов и евразийцев, сколь их схожесть в положительной оценке советской системы, в принятии форм и методов советского управления» [16, с. 489–490].

Религиозный философ Г. Ф. Флоровский, бывший одно время сторонником евразийства, в статье «Евразийский соблазн» (1928) видит «евразийскую правду» только в постановке вопросов, но сами решения, предложенные евразийством, считает «соблазнительными грезами» и идейным тупиком [17, с. 237]. Историософию евразийства он рассматривает как «натуралистическую мифологию» и считает, что «в евразийском патриотизме слышится только голос крови и голос страсти, буйной и хмельной», а не голос совести [17, с. 241–242]. Определенную симпатию евразийцев к большевикам он оценивает следующим образом: «В этих «ворах» евразийцы увидели «воплощение государственной стихии»... И потому евразийцы сознательно и хотят быть «следственниками современного большевизма», «следственниками советской государственности», в психологии и типе, в пафосе и внутреннем строе. Они хотят и призывают равняться по большевистскому примеру и типу, только переименовав «конструктивный принцип» с безбожного на религиозный» [17, с. 242].

Более того, он даже рассматривает евразийство, наряду с марксизмом, как один из плодов протестантского рационализма: «В евразийской утопии противоречиво переплетаются и спаиваются мотивы органической теории и самого острого, просвещенского рационализма. Здесь евразийцы повторяют марксизм, во всех его внутренних неувязках, с его сочетанием эволюционного фатализма

и революционного пафоса... В известном смысле, марксизм, как историческая философия, завершает диалектику протестантской мысли» [17, с. 249].

Евразийство, в его понимании, нельзя полностью считать соответствующим православию: «Евразийцы чувствуют православную стихию, переживают и понимают православие как историко-бытовой факт, как подсознательный «центр тяготения» евразийского мира, как его (именно его) потенцию. И вместе с тем конкретно-практические задачи Евразии они определяют совсем не по этому «центру», не из живого православно-культурного самосознания, но из размышлений теософического, этнического, государственно-организационного порядка» [17, с. 259].

Также он усматривает определенные этатистские тенденции в евразийстве: «в евразийском «государственном максимализме» заложен острый и кощунственный соблазн. В евразийском толковании все время остается неясным, что есть культура (или «культуро-субъект») — становящаяся Церковь или становящееся государство» [17, с. 261]; «...в их избрании и воле Восток Ксеркса победил Восток Христа, «Восток свыше»» [17, с. 265].

Известный философ и правовед С. И. Гессен также отрицает за евразийством право на идейную целостность и самобытность, описывая его как «идеологическую амальгаму». Новизну евразийства он видит в тотальности и радикализме их критики: «Какая-то подлинная глубина и объективность чувствовались в этом обобщении вины за происшедшее падение России на всех участников гражданской войны — красных и белых, «демократов» и «контр-революционеров», в этом требование покаяния и пересмотра всех старых идеологий» [19, с. 495]. Идеологическая амальгама правых и левых идей в евразийстве позволяет автору сравнить его с итальянским фашизмом [19, с. 499].

По мнению другого либерального историка и публициста А. А. Кизеветтера, евразийство не является развитой идеологией. Он, по его словам, всего лишь «настроение, вообразившее себя системой» [19, с. 266]. Это настроение, как он считает, возникло из ощущений, навеянных двумя событиями: Первой мировой войной, которая воспринималась как результат кризиса европейской культуры и большевистской революции. Он отмечает двойственное отношение евразийцев к большевизму: «Отвергая большевизм во всех его основных положениях, евразийцы, тем не менее, находят для себя в большевизме ряд родственных мотивов постольку, поскольку большевизм ставит себе задачей ниспровергнуть предшествующую европейскую культуру» [19, с. 267].

Также он критикует евразийство за «борьбу против европейских элементов в русской культуре», отрицание линейного прогресса и общечеловеческих ценностей [19, с. 269–271]. А. А. Кизеветтер отрицает значительное влияние ордынского фактора на становление русской государственности: «Общезвестно, что татарские образцы сыграли некоторую роль в развитии государственной техники в Московском государстве. Но отсюда еще очень далеко от того, чтобы признать, что Московское государство сложилось в форме татарской орды и было обязано татарскому руководству всеми основами своей государственности» [19, с. 275].

Он считает, что у евразийства нет достаточно разработанной политической доктрины: «они лишь утверждают, что и политическое устройство Евразии должно быть основано на азиатских, а не на европейских началах» и не приемлют парламентаризма, «считая его таким же тлетворным исчадием европеизма, как и материализм и атеизм». Он предполагает, что политически идеалом евразийцев является «допетровская патриархальная монархия, которую они как будто склонны считать национальной политической формой русской народности» [19, с. 277–278].

В своей рецензии на «Начертание русской истории» Г. Вернадского А. А. Кизеветтер более подробно критикует историческую концепцию евразийцев за ее ненаучность и характеризует последнюю как «геополитическую мистику»: «Автор «Начертания» пользуется «теорией месторазвития»... для того, чтобы признать затем Евразию ... за тот кусок нашей планеты, который был «предсоздан» для образования на нем евразийского государства. Для историка, стоящего на почве научного мировоззрения, освоение русским народом всей этой территории является результатом сцепления множества процессов хозяйственной колонизации и политической борьбы. А для автора «Начертания» все объясняется неустранимой внутренней логикой месторазвития» [20, с. 2].

Специальная критика политико-правовой доктрины содержалась в рецензии «Пророки» (1925) известного социолога права Г. Д. Гурвича, который в резкополемической форме разбирает статьи

В. М. Шахматова («Государство-правды») и В. Н. Ильина («Столп злобы богопротивной»). Он приходит к выводу, что «особенности психологии евразийства» сводятся к «сочетанию крайнего невежества и неспособности логически мыслить, к исключительным самомнению и самонадеянности» [21, с. 3].

Эсеровский публицист М. Слоним считает, что в теоретических построениях евразийцев «много противоречий, отзвуков славянофильства, мистического тумана» [22, с. 10]. Единственным существенным достоинством евразийцев он считает то, что они «почувствовали революцию», «ее грандиозность, ее катастрофичность» и «поняли, что старое не воскреснет» [22, с. 11]. Однако вместо реальной практической деятельности евразийцы предлагают «революцию духа». Он согласен с евразийцами о роли России как моста между Востоком и Западом и признает удачным термин «Евразия», но считает неверной идею, что сближение будет осуществляться с помощью православия [22, с. 20]. По его мнению, подкупающий пафос евразийства убивается его догматизмом: «тяжелый груз предвзятых теорий, книжного мистицизма и церковности обессилил этот порыв и превратил интересную попытку в сектантски догматическую и безжизненную схему» [22 с. 21].

По мнению русско-французского писателя, литературного и музыкального критика, являвшегося другом П. П. Сувчинского, Б. Ф. Шлецера (1881–1969), корни евразийского учения восходят к славянофильству и оно «сочетается с определенно неославянофильским русским мессианизмом: европейское человечество — безнадежно больное, России предстоит спасти его, явив нам новую форму жизни» [23, с. 341]. Он выделяет следующие черты евразийской идеологии: «множественность культурных типов (культурный релятивизм); самостоятельность путей России, своеобразие ее культурного бытия (Евразия); отрицательная оценка европейской культуры, переродившейся в цивилизацию (закат Европы); утверждение грядущей культуры России как религиозной, православной; надежды, возлагаемые на церковь, теократические, быть может, даже мечты; националистическая мистика и в связи с этим антисоциалистические тенденции (славянофильский мессианизм)» [23, с. 341–342]. Б. Ф. Шлецер, в отличие от многих других критиков евразийства, к «объективной ценной» части евразийского учения относил «мысль об «особых путях России», о географическом, физическом своеобразии этого мира, отличного от европейского, способного выработать свои формы жизни», выраженную, прежде всего, в публикациях П. Савицкого [23, с. 341–342]. Но в целом, как и многие другие, считал, что евразийство ценно и интересно не положительными идеалами, а «отрицанием своим, критикой, острым сознанием кризиса европейской культуры...» [23, с. 347].

Русско-немецкий философ, христианский демократ и социалист Ф. А. Степун (1884–1965) характеризует евразийство как «художническое мирозерцание», «художническую эмоцию», отличающееся зоркостью в диагностике пореволюционной России и фантастичностью планов ее исцеления [24, с. 404]. Он высоко оценивает у евразийцев «онтологическое ощущение России, как живого существа, как лица» и подчеркивает, что современность «евразийствует, но современность всегда, по крайней мере на шаг, отстает от своего времени, и в этом вся проблема евразийства, не как художнической эмоции, а как политического мирозерцания» [24, с. 401]. Стержневыми идеями евразийства он считает «антинароднический державный национализм» (носителем национальной идеи у них является не народ, а интеллигенция) и «евразийский консервативный бытовизм» (эмпирически-духовное исповедание православия) [24, с. 401–402].

Ф. А. Степун одним из первых сравнивает евразийство с фашизмом: «Против монархической реставрации; за большевицкую эмоцию, но против коммунистического социализма; и прежде всего и страстнее всего против демократии — все это, взятое вместе, дает достаточное основание к определению евразийства как русского фашизма» [24, с. 404]. В своей поздней статье 1967 г. он уже более осторожен в своих оценках и характеризует евразийство как «антиевропейскую идеологию» [25, с. 44].

Известный консервативный философ и правовед И. А. Ильин в статье «Идейный оползень» также критиковал определенную симпатию евразийцев к большевистской революции: «Наряду с общим осуждением и даже подчас отвращением от этого величайшего в мире злодеяния они тогда уже пытались вложить в революцию свой особый «евразийский» смысл» [26 с. 272].

Далее он осуждает и иронизирует над евразийским признанием революции как факта: «Фактопоклонство... Но разве гений Петра Великого и его дело во всем его величии и с некоторыми его

ошибками — не факт! И дивная русская культура, расцветающая на протяжении 200 лет после Петра, во всем ее глубоком, русском своеобразии, насажденная и вскормленная Православием и закреплённая монархическим правосознанием, — не факт! Почему же господа «евразийцы» не преклоняются этому факту? Почему же они предпочитают «поклоняться» разрушительным гнусностям третьего интернационала?.. Что же ими руководит, неотменимость факта или идейное сочувствие?» [26, с. 277]. По его мнению, то общее, что объединяет евразийцев и большевиков — это «разрушение и искоренение русской культуры, совершенное за восемь лет большевиками» [26, с. 279].

И.А. Ильин ратует за духовный, а не материальный (экономический как у большевиков или географический/этнографический как у евразийцев) критерий: «Отвергать западное надо совсем не постольку и не потому, что оно «романо-германское», а лишь потому и постольку, поскольку оно религиозно-несостоятельное, ложное, пошлое, больное или нам ненужное... Добро и зло не имеют «востока» и «запада»: зло и на востоке зло; добро и на западе добро» [26, с. 281]. В этом он, в том числе, видит и психологическую причину признания факта большевистского переворота евразийцами: «Самая основная «идея» их — имеет характер географический и этнографический. Они спрашивают, не в чем качественная природа добра и зла, а в какую сторону света повернуться; они ищут не верного строения духа (об этом не проронено ни слова!), а верный материк: они признают победителем не верного и сильного духом, а сильного числом. Ими, как и большевиками, владеет пафос силы, объема, числа, пафос «планетарного» размаха. Как и все несильные люди, они не выдерживают длительного торжества злодея и в «победившем» злодее они готовы искать приемлемые черты» [26, с. 281–282]. Также в этой статье И.А. Ильин проводит интересную квалификацию евразийского движения. Он выделяет три концентрические группы людей называющих себя евразийцами: 1) «вожаки-агитаторы»: к ним он относит П. Савицкого, Н. Трубецкого и П. Сувчинского; 2) «взвинченные ими и подавшиеся им (может быть, временно?) начинающие публицисты»: Флоровский, В.Н. Ильин и Я. Садовский; 3) «неопределенный кадр патриотической зарубежной молодежи, — молодая аудитория, сочувствующая «всему высокому и прекрасному» и не разглядевшая еще характер преподносимых ей идей». Таких ученых и публицистов, как А. В. Карташева, Н. С. Арсеньева, Э. Сеземана, Г. В. Вернадского, П. М. Бицилли и М. В. Шахматова, он вообще отказывается причислять к евразийскому движению, так как публикации последних «имеют объективный, ответственный, религиозно-патриотический характер и могли бы появиться в любом русском национальном журнале» [26, с. 269].

В другой, тоже резко полемической статье «Самобытность или оригинальничание» он называет евразийцев идейными знахарями и демагогами, так как они, по его мнению, хотят упрощенное объяснение самобытности России: «Какая глубокомысленная, какая прозорливая «теория»!.. За последние двести лет Россия якобы утратила свою самобытную культуру потому, что она подражала Западу и заимствовала у него; чтобы восстановить свою самобытность, она должна порвать с германско-романским Западом, повернуться на Восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингисхан и татары...» [27, с. 305]. Называет евразийство «чингиз-хамством...» [27, с. 307].

По его мнению, следование евразийскому учению ведет не к возврату утраченной самобытности, а к смене одного заимствования на другое: «Этот рецепт совсем не противопоставляет русскую самобытность — заимствованию; нет, он противопоставляет одно заимствование и подражание, неодобряемое — другому заимствованию и подражанию, похвальному: долой пресмыкание перед Западом! да здравствует пресмыкание (кизяк!) перед Востоком! Перестанем быть полунемцами, полуфранцузами! Станем истинно русскими татарами...» [27, с. 308].

Таким образом, раннее евразийство, прежде чем оно стало уважаемым и признанным идейным течением, было резко критически оценено представителями различных идеологических течений. Его обвиняли во вторичности, в неполноценном консерватизме, утопическом этатизме и даже фашизме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устрялов Н.В. Понятие государства // Вестник китайского права. Вып. 1. Харбин, 1931. С. 11–23.
2. Устрялов Н.В. Интеллигенция и народ в русской революции // Устрялов Н.В. Под знаком революции. Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. / ред.-сост. М.А. Колеров. М., 2017. С. 202–221.

3. Ширинский-Шихматов Ю. А. Российский национал-максимализм и евразийство // Евразийский сборник VI. Прага, 1929. С. 25–31.
4. Колеров М. Как и зачем Иван Ильин искал союза с евразийцами в 1923–1925 годах. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2952518.html>
5. Половинкин С. М. Г. В. Флоровский и евразийство // Вестник РХГА. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/g-v-florovskiy-i-evraziystvo>.
6. Струве П. Б. «Евразийство». По поводу сборника «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» // Русская мысль. 1922. № 6–7.
7. Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 319–330.
8. Струве П. Б. Россия // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 1999. С. 331–349.
9. Бердяев Н. А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.
10. Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8. С. 141–144.
11. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.
12. Милюков П. Н. Россия и демократическая эмиграция (доклад в первом публичном заседании Республиканско-демократического клуба в Праге, 5 июня 1923 г.) // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М. : РОССПЭН, 2012. С. 23–37.
13. Милюков П. Н. Третий максимализм // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М. : РОССПЭН, 2012. С. 32.
14. Милюков П. Н. Русский расизм // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М. : РОССПЭН, 2012.
15. Вишняк М. В. Оправдание демократии: [полемика с А. П. Карсавиным] // Современные записки. 1923. Кн. 16 (III). С. 322–349.
16. Вишняк М. В. Алексеев Н. Н. На путях к будущей России. (Советский строй и его политические возможности), Париж, 1927: [жрец.] // Современные записки. 1927. Кн. 32. С. 489–490.
17. Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 237–265.
18. Гессен С. И. Евразийство: [рец. на кн.: Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4)] // Современные записки. 1925. Кн. 25. С. 494–508.
19. Кизеветтер А. А. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 266–278.
20. Кизеветтер А. А. Русская история по-евразийски // Руть. 1927. 27 ноября. С. 2.
21. Гурвич Г. Д. Пророки // Дни. 1925. № 796. 23 июня. С. 3.
22. Слоним М. Евразийцы // Воля России. 1922. № 2. С. 9–21.
23. Шлецер Б. Ф. «Закат Европы»: [о сб. «На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. (Берлин, 1922) и о сб. «Освальд Шпенглер и закат Европы» (М., 1922)] // Современные записки. 1922. Кн. 12. С. 339–348.
24. Степун Ф. А. Евразийский временник (Берлин, 1923, Кн. 3): [ж. рец.] // Современные записки. 1924. Кн. 21. С. 400–406.
25. Степун Ф. А. Россия между Европой и Азией // Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 40–49.
26. Ильин И. А. Идеальный оползень // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 268–288.
27. Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 303–309.